

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ В РУССКОЙ УСТНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

ANTONINA A. ZAGORODNIUK
ACTIVE PARTICIPLES IN SPOKEN RUSSIAN

Статья посвящена анализу функционирования действительных причастий и причастных оборотов в устно-разговорной речи, в частности, их употребления в функции предиката и полупредикативного комплекса. Выявляется дискурсивная связь устно-разговорных монологических высказываний, содержащих причастия, с книжно-письменной речью, что дает повод говорить об интердискурсивном влиянии книжно-письменной речи на устно-разговорную речь.

Во введении к статье рассматривается стилистический статус действительных причастий как изначально книжно-письменных языковых единиц, а также основные синтаксические функции причастия (вторичный предикат, основной предикат, атрибут). Выдвигается гипотеза о том, что употребление действительных причастий в несвойственном им стилистическом окружении устно-разговорной речи может выявить дополнительные сведения о предикативном статусе данных языковых единиц. Материал исследования представляет собой 185 устных текстов, характеризующихся непринужденностью общения и неофициальностью обстановки, объектом исследования являются 350 употреблений действительных причастий в данных текстах. Цель исследования заключается в выявлении особенностей функционирования действительных причастий в устно-разговорной речи.

В результате анализа были обозначены следующие характеристики действительных причастий. Употребление действительных причастий в позиции основного предиката и препозитивного определения, традиционно трактуемые как атрибутивные (непредикативные), в устно-разговорной речи встречаются в контекстах, актуализирующих их предикативность посредством указания на таксис, в частности, на перфектное значение действительных причастий прошедшего времени.

Анализ функционирования действительных причастий в русской устно-разговорной речи позволил выявить их преимущественное употребление в составе полупредикативных комплексов в монологических высказываниях. Автоматизированное использование в устно-разговорной речи действительных причастий в функции вторичного предиката в ситуации непринужденного общения демонстрирует высокий уровень речевой способности говорящего и его выраженную связь с книжной культурой. Данная связь коррелирует с понятием дискурсивной формации, определяющей не только воспроизведение конкретного типа знания, изначально свойственного книжно-письменному дискурсу, в контексте устно-разговорной речи, но и вербализацию данного знания при помощи книжно-письменных единиц, наиболее типичных для его выражения.

Ключевые слова: действительное причастие, устно-разговорная речь, книжно-письменная речь, интердискурсивность, дискурсивная формация.

The article is devoted to the analysis of active participles and participial constructions functioning in spoken Russian as predicated and predicative complicators of the sentence. The discursive connection is observed between monologue spoken utterances containing participles

**Антонина Алексеевна
Загороднюк**

Магистр лингвистики, аспирант

► St033106@student.spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9

Antonina A. Zagorodniuk
Saint-Petersburg State University
Russia, 199304, Saint-Petersburg,
Universitetskaya emb., 7-9

and written discourse, which reveals interdiscursive influence of written Russian speech onto spoken Russian. In the introduction to the article the author deals with the stylistic status of active participles, as well as its syntactic functions (secondary predicate, main predicate, attribute), and hypothesizes that active participles usage in the context of the oral speech can give an insight into the predicative status of these linguistic phenomena. The study observes 185 spoken texts, characterized by spontaneous communication and informal situation, and analyzes 350 instances of active participles usage. The aim of the study is to reveal the specific features of active participles usage in spoken Russian. As a result, the following characteristics of active participles were identified: when functioning as main predicates or attributes (which are usually assumed to have lost their predicative meaning in these positions) they actualize their predicative status by indicating the taxis of the sentence, in particular, the meaning of perfect tense of active past participles. The analysis of active participles functioning in spoken Russian demonstrated their primordial usage in semi-predicative complexes in monologues. Automaticity in the usage of such participles in spoken Russian as a secondary predicate of the sentence indicates the high level of language proficiency of the speaker and their belonging to the book culture. This connection correlates with the notion of discursive formation, which determines not only the reproduction of a particular type of knowledge originating from written discourse in oral speech, but also the coding of this knowledge by the means of written discourse, the latter being the most appropriate for its expression.

Keywords: active participle; oral speech; written discourse; interdiscursivity; discursive formation.

1. Введение

В русистике существует устойчивое мнение о том, что ряд грамматических форм и конструкций стилистически маркирован и закреплён за определёнными типами речи самой историей их функционирования. Одним из таких средств является причастие, относимое к книжно-письменным языковым явлениям [Данилевская, Трошева 2006], тем не менее, современные устно-разговорные тексты содержат многочисленные примеры употребления причастий, в частности, действительных причастий настоящего и прошедшего времени, и этот факт требует интерпретации.

Напомним, что академическая и корпусная грамматика [Шведова 1980; Сай 2011] относят причастия к нефинитным формам глагола, сохраняющим лексическое значение базового глагола и в изменённом виде — глагольные категории вида, времени и залога, с чем связывается употребление причастий в качестве предикативных и полу-

предикативных единиц. Как правило, причастия и причастные обороты рассматривают как полупредикативные единицы в составе предложения [Золотова, Ониненко, Сидорова 2004], отмечая ограниченную способность действительных причастий выступать в роли вторичного предиката, реже — в составе сложного сказуемого при полужаменательных и знаменательных связках, функция основного предиката предложения для действительных причастий считается нехарактерной [Сай 2011].

Отдельно ставится вопрос об атрибутивном (непредикативном) значении причастий, и он связывается с переходом причастий в прилагательные, т. е. с адъективацией. Данный процесс заключается в потере причастием способности таксисно выражать глагольные категории, локализовать ситуацию во времени и пространстве, присоединять глагольные распространители (в частности, со значением субъекта и объекта), в развитии способности сочетаться с наречиями меры и степени и/или в приобретении переносного значения (*блестящий самоцвет — блестящий ответ*) [Сай 2011; Замятина, Сызранова 2017].

Проблема утраты причастиями предикативности подвергалась лингвистическому исследованию с точки зрения языковой системности. На наш взгляд, дополнительные сведения о предикативном статусе причастий может дать их употребление в текстах устно-разговорной речи.

Доминантными характеристиками устно-разговорной речи признаются непринуждённость, непосредственность контакта коммуникантов, неподготовленность, спонтанность. Некоторые лингвисты подчеркивают принципиальную разницу между двумя последними качествами, понимая под спонтанностью отсутствие любых внешних стимулов к порождению речи [Земская 1988], в то время как другие исследователи считают подобную трактовку спонтанности некорректной по отношению к разговорной речи вследствие диалогичности и реактивности последней и рассматривают данные понятия как синонимы [Борисова 2009; Miller, Weinert 2007]. Мы принимаем точку зрения, согласно которой неподготовленность коммуникации и её спонтанность представляют

собой единую характеристику разговорной речи, таким образом, мы характеризуем тексты, представленные в нашем материале, как неподготовленные (спонтанные).

Нами были проанализированы 185 устных текстов, размещенных в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) и содержащих 350 употреблений действительных причастий. На данном материале мы продемонстрируем особенности функционирования действительных причастий в различных позициях в непубличной устно-разговорной речи.

2. Действительное причастие совершенного вида с перфектным значением в устно-разговорной речи

Отличительной особенностью постпозитивного употребления полных действительных причастий в устно-разговорной речи стало их частотное использование в качестве сказуемого при асемантической или опущенной связке, оцениваемое лингвистами как несвойственное данному типу причастий и как показатель адъективации причастия [Сай 2011]. В примере (1) определение «заросшая» демонстрирует такие признаки адъективации, как присоединение обстоятельства меры и степени (*не сильно*), ослабление таксисных показателей в пределах реплики.

(1) [Гостья, жен, 57, 1959, филолог] Ну/ а эта дорога как-то угадывалась? [Сергей Владимирович, муж, краевед] Да/ она как бы такая ещё/ не сильно/ не сильно **заросшая**// [Гостья, жен, 57, 1959, филолог] Таёжники наверно пользуются? [Сергей Владимирович, муж, краевед] Да/ да-да-да-да// Я не знаю/ там на машинах наверно не ездили/ но ещё вот так вот/ вполне проходима// [О походе по маршруту Арсеньева (2016) // Дальневосточный федеральный университет, База данных «Речь дальневосточников»]

Однако рассмотрение данного причастия в контексте «текстового предложения» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 28] позволяет выявить у него перфектное значение видо-временной формы, указывающей на результативное состояние (ср. «дорога заросла не полностью»), подчеркнутое обстоятельством времени *ещё*, а также контек-

стуально обусловленные значения лица (характеристика с позиции наблюдателя, на что указывает наличие в вопросе предиката «угадывалась») и ирреальную модальность (ср. маркер «как бы»). Совокупность перечисленных таксисных характеристик позволяет трактовать форму *заросшая* как вторичный предикат, в числе других организующий устно-разговорный текст посредством коммуникативного регистра (о коммуникативных регистрах см. [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 32-33]). В представленном примере чередуются фрагменты описания в репродуктивном и информативном регистрах. Фрагмент *она как бы такая ещё/ не сильно/ не сильно заросшая*// относится к репродуктивному описанию, так как предваряется глаголом восприятия *угадывалась*, в то время как следующий фрагмент *но ещё вот так вот/ вполне проходима*// относится к информативному описанию, предваряемому глаголом знания.

Преппозитивное причастие традиционно трактуется как атрибутивное, непредикативное определение, за исключением случаев, когда оно, помимо определительного, выражает дополнительные обстоятельственные значения (причины, уступки и др.) [Шведова 1980; Сай 2011]. В то же время наш материал показывает, что и при отсутствии добавочных значений преппозитивные причастия могут таксисно выражать предикативность, как в примере (2), где форма *развалившиеся* указывает на состояние, сложившееся к моменту речи, позицию наблюдателя по отношению к данному состоянию и её реконструкцию в присутствии адресата речи, и модальность, отражающую реальное положение дел.

(2) [Дмитрий, муж, студент] Ты вот предствавь/ центр города/ стоят старые/ потрёпанные/ уже на половину **развалившиеся** дома исторические/ которые требуют реставрации. [Разговор с приятелем об учебе (2015) // Из коллекции НКРЯ]

В текстах устно-разговорной речи также были выявлены случаи изолированного употребления причастий. В части случаев можно говорить о субстантивации причастия (*заведующий, ведущий, обезболивающее*). В некоторых случаях происходит окказиональная субстантивация при-

частного оборота, как в примере (3) *уже занявшему всю Европу*.

(3) [Надежда Михайловна К., жен, пенсионерка] *Ведь договор был/ Сталин поверил. Ну глупость/ политика/ конечно/ нельзя верить уже занявшему всю Европу*. [Беседа об истории семьи (2014) // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ].

Отметим, что в данном примере причастие служит не просто номинацией лица, но и указанием на то, что его деятельность на описываемый момент времени имела результат, т.е. причастие и при субстантивации (во всяком случае, окказиональной, контекстуальной) не только называет лицо или предмет, но и продолжает участвовать в таксисе и в распределении действий по планам (основной / второстепенный) в речевом образе отражаемой ситуации действительности. Создаваемая таким образом стереоскопичность текста была подробно исследована на материалах книжно-письменной речи (ср. [Золотова, Онипенко, Сидорова 2014: 28]), но применительно к устно-разговорной речи не рассматривалась (ср. указание исследователей на специфику соединения предикативных единиц в устно-разговорной речи [Золотова, Онипенко, Сидорова 2014: 223] и замечание О.А. Лаптевой об особенностях словорасположения в книжно-письменной речи, которое в большей степени обусловлено необходимостью грамматической оформленности и завершенности высказывания, не свойственной устно-разговорной речи [Лаптева 2003: 253-254]).

Таким образом, как показывает материал устно-разговорной речи, традиционная трактовка употребления одиночных причастий в именной части сказуемого при асемантической (нулевой) связке и в препозиции к определяемому слову как адъективации, а изолированного употребления причастий — как субстантивации, не полностью отражает специфику функционирования данных языковых явлений в тексте. Наш материал позволяет наблюдать, как причастия в данных позициях не всегда и не полностью утрачивают свои таксисные характеристики и зачастую используются для обозначения результата действия, достигнутого в прошлом и сохраняемого в момент речи,

то есть выражают перфектное значение глагольной словоформы (о перфективном состоянии см. [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 27-28]). При характеристике подобных употреблений причастий, как мы полагаем, нельзя не учитывать их текстовую функцию перфектива (термин Г.А. Золотовой), в связи с чем, возможно, в случаях, аналогичных приведённым примерам, было бы точнее говорить не об отпричастных прилагательных и существительных, но об актуализации у причастий перфектного значения.

3. Причастия в устно-разговорной речи как маркер уровня развитости речевой способности говорящего

Постпозиция причастия по отношению к определяемому существительному/местоимению в устно-разговорной речи обуславливает предикативное употребление одиночных причастий и причастных оборотов, наблюдаемое и в письменных текстах.

(4) [Настя, жен, школьник] *Вот валяюсь дома простуженная в хлам... пытаюсь смотреть TV... пощелкала по каналам... грустно мне стало.... Одна помесь президента/ депутатов/ бандитов/ баб с нимбами и свечками/ **корректирующих** карму за 30 руб. в мин/ Сережи Зверева/ **намазывающего** себя «Активией»/ банда «Дома 2» с чокнутой на всю голову Ксюшей...* [Обсуждение фильмов (2006) // Из коллекции НКРЯ]

В примере (4) причастие *корректирующих* находится в дистантной постпозиции по отношению к определяемому существительному *баб*, а причастие *намазывающего (себя)* — в контактной постпозиции к компоненту *Сережи Зверева*. Автор в условиях спонтанного непринуждённого общения без каких-либо усилий создаёт стереоскопический (как, вероятно, наиболее привычный для себя) речевой образ увиденного: на первом плане перечисляются герои телесюжетов, на втором плане, выстраиваемом за счёт использования причастных оборотов, даётся характеристика персонажей через сообщение об их занятиях. В норме высокая информативная плотность высказывания, определяемая большим количеством предикативных единиц в составе одной коммуника-

тивной синтаксической единицы (предложения), характерна для книжно-письменных стилей речи [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 228]. Пример (4) интересен тем, что в нём книжно-письменная полипредикативная синтаксическая модель высказывания ярко контрастирует со стилистически сниженным лексическим наполнением, сигнализирующим о том, что говорящий ощущает свою включённость в ситуацию непринуждённого (даже фамильярного) общения. Такого типа употребления чётко демонстрируют, насколько использование книжно-письменных коммуникативных контуров высказываний (термин Б. М. Гаспарова [Гаспаров 1996]) автоматизировано у людей, тесно связанных в силу каких-либо обстоятельств с книжной культурой, и насколько естественно для них порождение многоплановых речевых образов ситуаций действительности независимо от степени подготовленности и официальности общения.

В примере (5) коммуникативный контур, содержащий причастие, простирается тем более явно, что в пределах спонтанного высказывания говорящий использует причастный оборот для пояснения слабо структурированного типично разговорного описания (*такая машина/ с виду она/ как будто такая/ в траве вся*), которое он, вероятно, оценил как не дающее собеседнику достаточно точного представления об описываемом объекте; далее в том же высказывании осуществляется коррекция допущенной оговорки через мену в контуре позиций имён существительных, грамматически связанных с причастием (*травя, заросшая машиной и машина, заросшая травой*):

(5) [Ира, жен] Я не знаю... была просто такая машина/ с виду она/ как будто такая/ в траве вся/ то есть травя/ заросшая машиной такая... Ой... Наоборот. Машина/ заросшая травой/ да. [Разговор в компании подруг (2008) // Из коллекции НКРЯ].

4. Причастия в устно-разговорной речи как результат интердискурсивного влияния

Рассмотренные нами примеры употребления причастий и причастных оборотов в устно-разговорной речи во многом совпадают с особенностями данного грамматического явления

в книжно-письменной речи. Использование причастных конструкций наблюдается чаще всего в нарративном режиме диалоговедения, т. е. при таком способе «организации речевого поведения коммуниканта, при котором в его речевой партии реализуется установка на монологическую речь в условиях непосредственного контактного диалогического общения» [Борисова 2009: 183]. При порождении монологической реплики говорящий, по всей видимости, ориентируется на образцы «правильной» книжно-письменной речи. Иногда указание на данные образцы встречается в самом высказывании, что может, например, свидетельствовать о желании говорящего встроить повествование о частной жизни в исторический контекст жизни народа (6).

(6) [Надежда Павловна Ш., жен, пенсионерка] Он вообще никогда ни в каком виде укроп не ел/ потому что их кормили какой-то травой/ напоминающей запах укропа. Ну и вот. И казалось бы/ вот снова/ судя по фильмам/ естественно/ судя по литературе/ прочитанном/ об этих страшных временах/ .../ много Солженицын писал об этом. Ну/ вообще/ действительно/ много читала таких произведений... [Рассказ об истории семьи (2012) // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ].

Таким образом, монолог в разговорной речи может приближаться по средствам языкового выражения к письменной речи, перенимая черты различного рода дискурсов: исторического в примере (3), художественного (6), медийного (4). В данном случае можно говорить о влиянии определённых дискурсивных формаций, фиксирующих соответствующие знания (историческое знание, социальное знание и др.) и типичные для их вербального представления языковые средства [Ревзина 2005: 72]. При воспроизведении данных типов знания в непринуждённом спонтанном общении их вербальная форма выражения заимствуется из соответствующего типа книжно-письменного дискурса, что соотносится с наблюдениями И. В. Тубаловой об отсутствии институциональных рамок и тематических ограничений в повседневном дискурсе как причине его интертекстуальной активности и открытости для проникновения инодискурсивных элементов [Тубалова 2011: 50-51].

5. Заключение

В современной русской устно-разговорной речи происходит активизация исконно книжно-письменных причастных конструкций, в первую очередь потому, что влияние соотносимой с темой разговорного высказывания той или иной книжно-письменной дискурсивной формации, на стилистические нормы которой намеренно или привычно ориентируется участник обыденной коммуникации, оказывается более весомым, чем воздействие параметров ситуации непринуждённого общения.

Если же учитывать тот факт, что имеющийся у говорящего опыт отражения ситуации действительности средствами языка актуализируется в речевой деятельности в определённом порядке: «При формировании высказывания не конструкция создаётся из слов, но слова подбираются к конструкции» [Гак 1973: 364], то использование в устно-разговорной речи причастий как основы полупредикативных конструкций, позволяющих создавать стереоскопическое отражение ситуаций действительности, служит удовлетворению этой коммуникативной потребности носителей языка, связанных с книжной культурой, для которых такое отражение ситуаций действительности естественно, непринуждённая же ситуация общения выражается такими носителями языка в первую очередь через выбор стилистически сниженной лексики.

Небезынтересно также отметить, что в устно-разговорных текстах действительные причастия совершенного вида нередко употребляются в качестве препозитивных определений, именной части сказуемого при асемантической (нулевой) связке, а также в составе расчленённых номинаций — перифразов, т.е. без определяемого существительного, анализ подобных употреблений позволяет выявить их таксисные функции. Такие употребления трактуются нами как предикативные, поскольку демонстрируют, что причастие фиксирует на видо-временной оси результат действия, достигнутый в прошлом, но сохраняемый в настоящем, как качество, отчего оно приближается к прилагательному, но не совпадает с ним. Полагаем,

что в подобных случаях целесообразно говорить не об адъективации причастий, а об актуализации в контексте у причастия перфектного значения.

ИСТОЧНИКИ

Шведова 1980 — *Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.* Шведова Н. Ю. (гл. ред.). М.: Наука, 1980. 743 с.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова 2009 — Борисова И.Н. *Русский разговорный диалог: Структура и динамика.* М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.

Гак 1973 — Гак В.Г. Высказывание и ситуация. В сб.: *Проблемы структурной лингвистики 1972.* М.: Наука, 1973. С. 349–372

Гаспаров 1978 — Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект. В сб.: *Семиотика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика.* Тарту, 1978, (1 (442)): 63–112

Гаспаров 1996 — Гаспаров Б.М. *Язык, память, образ: Лингвистика яз. существования.* М.: Новое лит. обозрение, 1996. 351 с.

Данилевская, Трошева 2006 — Данилевская Н.В., Трошева Т.Б. Стилистические ресурсы синтаксиса. В кн.: *Стилистический энциклопедический словарь русского языка.* Кожина М.Н. (ред.). М.: Флинта: Наука, 2006. С. 474–482

Замятина, Сызранова 2017 — Замятина И.В., Сызранова Г.Ю. Адъективация и субстантивация причастных форм: проблемы процесса и вопросы терминологии. *Филологический класс.* 2017, (3 (49)): 23–28.

Земская 1988 — Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения. В сб.: *Разновидности городской устной речи.* М.: Прогресс, 1988. С. 5–44.

Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 — Золотова Г.А. Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. *Коммуникативная грамматика русского.* М., 2004. 524 с.

Лаптева 2003 — Лаптева О.А. *Русский разговорный синтаксис.* М.: УРСС, 2003. 396 с.

Ревзина 2005 — Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации. В сб.: *Критика и семиотика.* Новосибирск, 2005, (8): 66–78.

Сай 2011 — Сай С.С. Причастие. В сб.: *rusgram.ru: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики.* 2011. URL: <http://www.rusgram.ru/Причастие> (Дата обращения 29.11.2020)

Тубалова 2011 — Тубалова И.В. Специфика организации дискурсов повседневности. *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2011, (4 (16)): 41–52.

Miller Weinert 2007 — Miller J., Weinert R. *Spontaneous Spoken Language. Syntax and Discourse.* Oxford: Oxford University Press, 2007. 472 p.

REFERENCES

- Борисова 2009 — Borisova I.N. *Russian colloquial dialogue: Structure and dynamics*. Moscow, 2009. (in Russian)
- Гак 1973 — Gak V.G. Utterance and Situation. In: *Problemy strukturnoi lingvistiki 1972*. Moscow, 1973. P. 349–372. (in Russian)
- Гаспаров 1978 — Gasparov B.M. Oral speech as a semiotic object. In: *Lingvisticheskaia semantika i semiotika*. Tartu, 1978, (1 (442)): 63–112. (in Russian)
- Гаспаров 1996 — Gasparov B.M. *Language, Memory, Image: Linguistics of Language Existence*. Moscow, 1996. (in Russian)
- Данилевская, Трошева 2006 — Danilevskaia N.V., Trosheva T.B. Stylistics Resources of Syntax. In: *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka*. Kozhina M.N. (ed.). Moscow, 2006. P. 474–482. (in Russian)
- Замятина, Сызранова 2017 — Zamiatina I.V., Syzranova G.Iu. Adjectivization and Substantivization of Participial Forms: The Process and Terminology. In: *Filologicheskii klass*. 2017, (3 (49)): 23–28. (in Russian)
- Земская 1988 — Zemskaja E.A. Urban Spoken Language and the Purposes of Its Analysis. In: *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi*. Shmelev D.N., Zemskaja E.A. (eds.). Moscow, 1988. P. 5–44. (in Russian)
- Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 — Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Iu. *Communicative grammar of Russian*. Moscow, 2004. (in Russian)
- Лаптева 2003 — Lapteva O.A. *Russian Spoken Syntax*. Moscow, 2003. (in Russian)
- Ревзина 2005 — Revzina O.G. Discourse and Discursive Formations. In: *Kritika i semiotika*. Novosibirsk, 2005, (8): 66–78 (in Russian)
- Сай 2011 — Sai S.S. Participle. In: *rusgram.ru: Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoi grammatiki*. 2011. Available from: URL: <http://www.rusgram.ru/Причастие> [accessed 29.11.2020]. (in Russian)
- Тубалова 2011 — Tubalova I.V. Specifics of Discourse Space of Everyday Life. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2011, (4 (16)): 41–52. (in Russian)
- Miller Weinert 2007 — Miller J., Weinert R. *Spontaneous Spoken Language. Syntax and Discourse*. Oxford, 2007.

[предлагаем вашему вниманию]

Кузнецов С. А.

Большой толковый словарь русского языка. 库兹涅佐夫俄语大词典. Пекин: Изд-во 商务印书馆 (Shangwu Yinshuguan). 2020 年·北京. — 1492 с.

Однотомный толковый словарь является справочником, объясняющим значения и особенности употребления слов русского языка. В своих основных чертах он продолжает двухвековые традиции русской академической лексикографии, сочетающие в себе научную точность с ясной и удобной для читателя формой изложения.

Настоящее издание подготовлено для публикации в пекинском издательстве Shangwu Yinshuguan (商务印书馆). По сравнению с российскими изданиями 1998–2008 годов текст Словаря для КНР значительно переработан, исправлен и дополнен.

Основная задача Словаря — дать полную характеристику слов (их написание, произношение, происхождение, словоизменение, значение, сферу употребления, сочетаемость), а также показать присущие словам дополнительные смысловые нагрузки (исторические, эстетические, символические).

В Словаре представлено более 130 тысяч лексических единиц. Для каждого заголовочного слова указаны практически все его языковые характеристики: написание, ударение, особенности произношения, грамматические формы, значения, сочетаемость, этимология и др.

Величина словника позволяет полно представить лексический состав русского языка двадцать первого столетия. В Словаре содержится лексика всех стилистических пластов и литературных жанров, в которых функционирует русский язык.

Иллюстративный фонд словаря содержит речения, основанные на реальных текстах, пословицы, поговорки, афоризмы, цитаты признанных классиков русской литературы.

Словарь предназначен для представителей самых разных профессий и специальностей, которым по роду занятий требуется получить справку о значении слова, правилах его употребления и сфере использования. Словарь станет полезным справочником для тех, кто изучает русский язык как иностранный, кого интересует русская литература, культура, жизнь российского общества.